

Зайцев Б. Чехов в Италии // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1954. 11 июля. № 15415. С. 2.

Чехов в Италии

Для поэтов, писателей пушкинской эпохи все в Италии было близко, все легко и свободно входило, вдохновляло. Пушкин Италии никогда не видел, но и для него она

... волшебный край

Страна высоких вдохновений.

Батюшков написал поэму о Тассо, переводил Петрарку. Боратынский оставил строки о башнях "Ливурии" и в Неаполе умер. Гоголь Италию обожал, вместе с Жуковским без конца зарисовывал в 1839 г. руины Рима, коз на Форуме, абазисов, простых итальянок. С Тютчевым Жуковский встретился в Киваври. Последним на этой линии был Тургенев — "Дворянское гнездо" задумано, частью и написано в Риме.

Первая половина XIX века в верхах русской культуры — это влияние Европы, глубокая провинциальность. Даже славянофилы, на Европу ополчившиеся, были культурнейшими людьми, знали иностранные литературы, иностранные языки.

Время молодости Чехова, 80-е годы, совсем другое. Россию этой эпохи можно принять за гигантски разросшееся захолустье.

Чехов сам был во многом провинциал, но с таким острым даром, умом, природным вкусом, что застрял в провинциализме не мог — одному и мужественно из него выбивался, и в литературе, и в жизни.

Впервые за границу выехал весной 1891 г., с Сувориным, после долгого, тяжелого путешествия на Сахалин. Теперь все было другое, это как бы отдых и освежение.

Поездка началась с Вены и Венеции. Именно Венецией и открылась ему Италия — удачно во всех отношениях. И погода была чудесная, и сам город таков, что завладевает сразу. ("Замечательное Венеция я в своей жизни городов не видел").

Чехову шел тридцать второй год. По тогдашнему не так уже мало. Да и созрел он быстро, темп жизни его ускоренный — двадцати восьми лет он написал очень немолодую "Скупную историю".

Италия молодит его. В письмах из Венеции есть звуки восторженные. Чехову восторженность несвойственна, здесь, однако, она проявилась. "...И такие задания, по которым я чувствую подобно тому, как по нотам поэт, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь". "Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга". "Хочется здесь навеки остаться". "Хочется плакать, потому что со всех сторон слышится музыка и превосходное пение". "Если когданибудь тебе случится побывать в Венеции, то это будет лучшим в твоей жизни" (брату Ивану).

Об Италии мало он знал, подготовки у него не было, потому в отзывах его о ней есть иногда наивность (во Дворце Дожей поразила его "картина, на которой изображено около 10 тыс. человеческих фигур"). Иногда отражаются вкусы того времени. ("Великолепны усыпальницы Кановы и Тициана").

Но дело не в этом. Италии таковой, какая позже вошла в душу нашего поколения, Россия тогда еще не знала. В нее вводил, среди других, тогдашний случайный спутник по Венеции — Мережковский. Время полного открытия Италии русскому сердцу было еще впереди. Однако, Чехов, при всех своих малых познаниях в этой области, сразу Италии почувствовал и полюбил — навсегда.

"Я тоже скучаю по Венеции и Флоренции и готов был бы еще раз взобраться на Везувий", пишет он Суворину в мае, уже вернувшись в Россию. Через две недели, из того же Багимова под Алексинским, с явным неудовольствием: "Надо быть быком, чтобы, приехав в первый раз в Венецию и Флоренцию, стал отклоняться от запада". В этом отклонении мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается, кто это оповестил всю вселенную о том, что будто "заграница" мне не понравилась?

Видно, тут замешан тот старший, очень словоохотливый Григорьевич, который в 86 году восторженно приветствовал Чехова. В свое время Чехов называл его "горячо любимым благове-

стителем", но потом к нему охладел. Думаю, случай с Италией имел тут тоже значение.

Чехов не мог удержаться от шуток и острых словечек. Конечно, есть у него "Венеция напоминает Луку" (имение его друзей Лнитваревых в Харьковской губ.) и др., — но таким изречениям судить нельзя. Григорьевич же, вероятно, именно такое и разглашал. Надо сказать: в наших литературных кругах долго держалось мнение, что Чехов был равнодушен к Италии. Теперь, когда все письма его напечатаны, хорошо видно, что это неверно.

Дело не в шуточных словечках, а в том, что для Чехова Италия была благословенным краем, неким Эдемом художества. Это мало замечалось и отмечалось, но теперь нельзя не отметить. ("Очаровательная страна. Если бы я был одиноким художником и имел деньги, то жил бы здесь зимой. Ведь Италия, не говоря уже о природе ее и тепле, единственная страна, где убеждаешься, что искусство есть в самом деле цель всего, а такое убеждение дает бодрость").

Бодрости русскому человеку, сидевшему осенью или зимой в какомнибудь Мелихове, весьма нехватало. "Сегодня я гулял в поле по снегу, кругом не было ни души, и мне казалось, что я гуляю по луне". "Будь время и деньги, поехал бы опять в Италию..." (1892 г.).

В 1894 году, осенью, он опять в Италию и попал — время запутанной и неудачной для него истории с Ликой Мизиновой. Побывал в Милане, посещал театры. "Удивительные также актеры. Этакая игра нам, россиянам, и не снилась".

Что миланский Собор "так красив, что даже страшно" — это не удивляет. Более удивительно, что ему так понравился облик Ломбардии. "Пейзажи в Ломбардии изумительные — пожалуй, как нигде в свете".

Это говорит уже о своеобразии его вкуса. Пейзаж Ломбардии не может "поражать", как восьмое чудо света. Но вот, Чехову пришлось по душе тонкий его узор, незатейливый, но изящный, украшенный дальним окаймлением Альп. Это как бы его собственная манера видеть и писать мир — мелким, почти кружевным почерком. Альпы для него хороши, когда смягчены, успокоены далью, как бы прекраснейший аккомпанемент равнине с легкими рядами топольков, болотцами иногда, волами, тапущими плуг, крестьянами около ферм.

Январь 1901 г. Чехов проводил в Ницце. В Москве шли последние репетиции "Трех сестер" — премьера на 31 января. "Как волновал Антона Павловича первый спектакль "Трех сестер, можно судить по тому, хотя бы, что за день до спектакля он уехал из того города, где нам была известен его адрес, неизвестно куда, чтобы таким образом не получать никаких известий о том, как прошел спектакль".

Может быть это было так, а может быть и иначе. Чехов с начала января собрался в Африку, в Алжир и Сахару. Об этом говорит в январских письмах из Ниццы — хочется посмотреть новое. ("Мне здесь уже надоело жестоко", 7 янв. 1901 г.).

Но море бурно, ехать неудобно, и 26 января он выезжает в Италию (вовсе не "за день до спектакля"). Постановка волновала его, конечно, но адрес свой, вопреки Станиславскому, он сообщил О. А. Книппер (Неаполь, *poste restante*). Да и когда думал, что едет в Алжир, дал тоже адрес до востребования в Алжире, просил, чтобы телеграмму прислали обстоятельную.

Во всяком случае 27 января он уже был в Физе, городе, менее всего для Чехова подходящем. Через день Флоренция. "Однако скажу, здесь чудесно. Кто в Италии не бывал, тот еще не жил". И это несмотря на то, что "в комнате у меня холодище такое, что надел бы шубу". "Номер, очень хороший, здесь стоит 3 франка, еда тоже дешевая, а вино при обеде дают даром". На этот раз меньше понравились актеры в театре. Играли тогда во Флоренции Ибсена, "Доктор Штокман".

2 февраля он уже в Риме, в Hotel de Russie, под Монте Пинччо, где на восточном склоне гре-

ются и благоухают апельсины на своих райских деревцах. "Ах, какая райская страна эта Италия! Удивительная страна! Здесь нет угла, нет вершка земли, который не казался бы в высшей степени поучительным".

Теперь Рим ему показывает проф. Модестов. "Сегодня же с одним русским семейством и двумя барышнями осматривал древний Рим. Объяснение давал проф. Модестов, а барышни очень милые".

Но не повезло из-за погоды. Уж очень сурово завернуло, пошел даже снег. Не побывав, как предполагал, в Неаполе, он просто уехал в Россию.

Италии Чехов больше не увидел. Вспомнил о ней предсмертно, в июньской жаре Баденвайлера 1904 года.

"Меня неистово тянет в Италию. Но уже было поздно. "Хочется отсюда поехать на озеро Комо и пожить там немножко; итальянские озера славятся своей красотой".

И в последнем письме: "Хотел я в Италию на Комо, но там все разбежалось от жары".

Через четыре дня он скончался.

Бор. Зайцев.